
Воздыханиями неизреченными
Мельник Вирсавия

Вирсавия Мельник

Воздыханиями неизреченными

«Автор»
2026

Мельник В.

Воздыханиями неизреченными / В. Мельник — «Автор», 2026

Римлянам 8:26: "Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными."

© Мельник В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 34

Вирсавия Мельник
Воздыханиями неизреченными

От автора

Кто-то в присутствии Всемогущего Бога, в Его чертогах слагает молитвы воздыханиями неизреченными. Без внимания Господа не остаётся ни одно такое прошение.

О, какое же это благо осознавать, что эти молитвы льются и о нас, о Лаодикийской церкви.

"Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией. Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братиями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил. Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание». Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем."

К Римлянам 8:26-39

Сегодня мы едем на собрание.

Если честно, то в последнее время для меня это стало удручающим времяпрепровождением. Я понимаю, что там много всего важного и интересного, но я почему-то устал. Признаюсь, мне очень не хочется туда ехать, а особенно сегодня, а особенно сейчас.

Обычный пасмурный осенний денёк; ничего примечательного. Серые улицы, серые лица, серое небо… Холодное окно машины немного освежает мою голову. Я к нему прижался давно и, как мне кажется, мы с ним стали одним неделимым. И ещё мне кажется, что оно единственное меня понимает из всех присутствующих в нашем BMW.

От моего дыхания стекло вспотело, но даже и тогда оно не закрывалось от меня, а старалось быть открытым к внешнему миру и показывать мне новые, но в то же время совсем одинаковые, виды.

Родители впереди подозрительно молчат. Это хорошо, когда они молчат; потому что, когда они говорят, то это хуже, чем бомбардировка в Ираке, Иране, Хиросиме, Нагасаки и в Донбассе вместе взятые. Я, конечно, никогда не видел бомбардировок, но благодаря семейным нашим сценам, очень ярко представляю.

По части бомб, они в нашей семье не первый год. Самое интересное, что обычная бомба взорвётся один раз, и всё. Она взрываться больше не может. Между мамой и папой эти бомбы, как будто растут, словно грибы от осенних дождей, из ниоткуда, из ничего…

Мы сегодня завтракали. Мама приготовила омлет, заварила нам чай, были печенья и гренки. Было вкусно. Пахло вкусно. Но крошка в рот не лезла. Мои родители после вчерашних «бесед» ели отдельно друг от друга и от нас. От теплого и вкусного завтрака меня затошнило.

Вчера мне хотелось просто взять и дать им обоим по рту! Чисто по-мужски взять и объяснить им, глупым, что к чему. Потом мне стало страшно. Потом я вспомнил, что я их люблю и что мне больно, и что я так не могу с ними поступить. Почему так всё сложно?

Мой живот сейчас урчит. Я не смог сегодня позавтракать.

Рядом со мной на заднем сиденье сидит моя сестра. Тоже молчит. Тупо втыкает в свой телефон. Ей шестнадцать. Она на четыре года старше меня и считает себя больно взрослой, самостоятельной и прочее. Если по-честному, то мне иногда обидно. Если Ангела такая взрослая, то почему никогда не вмешается и не угомонит родителей, почему вовремя их не остановит? Значит, никакая она не взрослая. Она – просто трусиха, а чипурит из себя геройку.

Сейчас Ангелина просто листает ленту в Инстаграме, лайкает фотки подружек и, конечно же, не пропускает ни одного оповещения от Дениса. Неужели она не замечает, что происходит? Неужели у неё ничего не урчит?

- Жанна, - вдруг прервал нависшее молчание отец. Он особенно не хотел разговаривать, но понимал, что сказать-то нужно, - объясни Ангелине, что нужно сегодня одеться получше.

Это замечание снова возвратило меня к нашим утренним сборам. Завтрак усложнился и тем, что моя «дорогая» сестра в эту холодную погоду решила одеться в модный топ и лёгкую летнюю юбку. Сначала родители недоумевали, откуда у неё появился этот топ. Затем им было уже не до топа, уговаривая её одеться потеплее. Ангелина была неумолима. Родители оказались бессильны в этой неравной схватке. Сеструха села в машину в своём неотразимом облике. Мама в отчаянии прихватила с собой некоторые её вещи (пальто, теплый джемпер, шарф) на случай, если удастся всё-таки дочь переубедить, и бросила в багажник.

Я оторвался от окна и взглянул на Ангелу. Она всё так же втыкала в смартфон. Ноль эмоций.

Мама нехотя оставила наблюдения за прохожими и нехотя начала выталкивать из себя какие-то слова Ангеле. Она была настолько уставшей, что еле ей хватало сил шевелить обескровленными губами.

- Ангелина, пожалуйста, - прошептала она.

У меня от этих слов что-то защемило в груди.

Почему? Почему всё так?

Непокрытые руки Ангелины покрылись в мгновение гусиной кожей. От холода ли? Неужели ей холодно? Она сейчас, наконец, оденется? И родителям станет немного легче и спокойнее?... А может, это слова мамы? Как? Неужели Ангела может сопереживать?... Это на неё не совсем похоже…

Пока я наблюдал за Ангелиной, во мне бурлили не только эти вопросы, но и просьба, одна огромная просьба. Я внутри вопил: «Ангели-и-и-на! Я тебя умоляю! Хотя бы сегодня! Хватит уже выходок! Будь умницей!»

В то время как я взывал своим внутренним голосом к её совести, сестра безмятежно просматривала ТикТок. Она делала вид, что ничего не слышала; хотя я знал на все сто процентов, что слышала.

«Только тебя не хватало в этом компоте! - я уже начал внутри её упрекать. - Ну что тебе стоит? Ну?»

«Боже, прошу!» - я взмолился.

- Ангелина! - потребовал отец.

Ангелина резко подняла глаза. Они горели злостью, обидой и даже яростью. Сеструха моя была похожа на пойманного дикого зверька. Мне стало от её взгляда не по себе. Казалось,

что ещё мгновение и Ангела превратит эту машину в Бородинское сражение или изгрызет кого-то, а вернее, всех.

«Пожалуйста», - молил я.

Сестра секунду ещё сохраняла прежнее напряжение, затем вздорно подскочила, протянула руку в багажный отсек, отрыла в пакете свой джемпер и демонстративно напялила на себя.

- Это всё, что я сделаю, - с угрозой заявила она, скрестив руки на груди.

Я был спасён! Она оделась! Ура! Может же, если хочет!

Мне даже стало немножко легче, даже немножко показалось, что не так всё и плохо. Этот поступок сегодня для Ангелины всё равно что подвиг.

Все снова погрузились в молчание.

Знаете, я уже давно у себя в голове решил одно решение. (Простите, наверное, я в этом предложении не… неправильно выражаюсь… Но всё же, вы меня, надеюсь, понимаете.)

Да, и решил я вот что.

Я решил, что, когда вырасту, буду иметь свой дом и женюсь, то это будет самая счастливая семья, самая мирная, самая любящая на всем белом свете! Я буду, наверное, каким-то супергероем! К чему бы я не подошёл, чем бы ни занялся, у меня будет всё отлично получаться. Я буду определенно много зарабатывать. (Правда, я ещё не определился, кем буду работать, но я точно буду страшно много зарабатывать.) У меня будет дом в два, нет - в четыре раза больше, чем у нас сейчас. Он будет стоять виллой на отвесной скале с видом на море. Я буду кататься только на Феррари. Она будет красного цвета, и, когда я буду ехать с работы домой (а это будет каждый день), то, опустив крышу, стану дышать морским воздухом и слушать чаек.

Моя жена будет просто красотка и умница! И главное, шикарным поваром. Мечтаю, чтобы я возвращался домой, а там было так тепло, приятно и ароматно, что просто хотелось бы взлетать от радости!

Я бы очень любил свою жену! Очень!

И она меня. Тоже очень! А деток своих я бы обожал! И они меня тоже. Очень-преочень!

У нас с женой никогда бы не было даже вопросов. Мы бы понимали друг друга с полуслова. Но, если бы и возникало какое-либо разногласие (я всё-таки, как уже взрослый, это допускаю, потому что понимаю, что бывает в жизни всякое), то мы бы в течение пяти минут решали бы его без ссор и обид.

А вечерами, после ужина, мы со всей семьёй будем вместе играть, гулять, ходить в гости, просто общаться или читать Библию. Я ещё точно не определился, чем мы займёмся, но это точно будет что-то приятное. Я уверен, что мои дети запомнят нашу семью только такой, только радостной, и станут рассказывать о своем детстве своим детям, и возьмут с родителей пример для построения своей семьи.

Ещё мы все вместе будем ехать на собрание, но не так, как сейчас мы едем. Нет! Совсем по-другому. Для нас это будет не удручающе, а, наоборот, здорово, весело. Моя семья искренне привяжет своё сердце к Богу и к собранию.

Да, у меня всё построится по-другому! Это точно!

У нас всегда будут гости! Всегда. Полный дом гостей! К нам не перестанут приезжать наши самые добрые и преданные друзья. Лина, Эрик, Дан, Роксана, Эммик - все со своими семьями. У нас всегда найдутся темы для хороших, нелицемерных разговоров.

До чего же это прекрасно!

К Ангелине пришло уведомление - телефон завибрировал.

Я от этого звука очнулся и немного покраснел, поскольку только сейчас поймал себя на том, что широко улыбаюсь сам себе, витая в мечтах. Надо же! Хорошо, что меня никто не заметил в таком состоянии. Не хочется, чтобы эту сладкую тайну похитили у меня расспросами. Пусть это будет только моё. Моё и больше ничьё.

К Ангелине снова что-то пришло. Я оглянулся и заметил на экране имя «Den4ik»; «Денис» то есть. Опять он. Ангела схватила телефон и без промедления начала отвечать.

Я снова прижался к своему окну.

Мы выехали из нашего серого города. Через каких-то 10 -15 минут мы въедем в другой такой же серый город, где и проводятся наши сборы. Сохранять 50 км/ч вне населённого пункта стало необязательно, и папа, переключившись, поджал газ. Мы поехали побыстрее. Побыстрее забегали деревья и машины за окном. Время тоже, кажется, ускорило свой ход.

Длилось это недолго.

Приехали.

Родители, как ни в чём не бывало, с подобием приятной улыбки пожимали руки знакомым и вели разговоры о делах и о погоде – ни о чём, короче говоря.

Я от них устал.

Я сейчас о своих родителях. Дома бы лучше такие беседы устраивали. Ха! Забавно! Получилось бы что-то в этом роде:

- «Здравствуйте, моя дорогая!»
- «Здравствуй! Как давно не виделись!»
- «Как ваши дела? Как ваше ничего?»
- «О, у нас всё просто замечательно!»
- «Как наши детки?»
- «О, они у нас такие умницы!»
- «А как вам сегодня погода?»
- «Немного грустно, но для прогулки с хорошей компанией как раз подойдёт!»
- «В таком случае, давайте мы с вами в нашей хорошей компании прогуляемся до порога зала.»
- «С радостью!»

Признаюсь, выглядит очень смешно, неестественно и даже глупо.

Мои родители так разговаривать дома не могут. Так они только вне дома умеют разговаривать, когда не нужно быть сутью, быть самим собой, а достаточно стать картинкой, красивой и пустой.

Пока мама и папа были заняты погодой, Ангелина побежала к кучке молодежи, где ждал её и Денис (с появлением Ангелы, настроение в группе резко поднялось). Я же, не найдя своих друзей (Лины, Эрика, Дана, Роксаны, Эммика не было сегодня. Все они оказались либо с соплями, либо у бабушки в деревне); вошёл в зал, сел в самом уголке и стал ждать начала собрания.

Если честно, то я не сильно расстроился, что их нет. Мне сейчас не очень-то и хотелось общаться. Я хотел побыть один.

Часы показывали 9:45. Собрание должно начаться в 10:00. Ещё немного. Зал со степенностью заполняется людьми и шумом.

Я осмотрелся. Люди. Жизни. Истории. Все они живые и не чужды трудностей бытия. Интересно, как они приехали сегодня сюда, завтракали ли они с семьёй или в одиночку, каким был у них вчерашний день. Неужели все эти радостные, улыбающиеся лица внутри испытывают то же, что и я сейчас? Или может у них всё вообще не так, не так, как у нас?

Не хочется быть лицемером. Хочу, чтобы была правда: радость, чтобы была радостью, а грусть - грустью.

К сожалению или к счастью, люди так не могут. Они привыкли ко лжи, живут ложью, любят ложь. Она же так приятна!

Так живут люди, но не Бог. Он видит нас насквозь, полностью. От Него ничего не скроешь. Перед Ним, Единственным, не стоит притворяться. Это абсолютно бессмысленно.

От осознания своей «наготы» перед Господом на душе становится и тихо, и безветренно. Как хорошо, что есть Тот, Который никогда не изменится, Который всегда будет Праведным, Правым и Правдивым.

Так я думал, рассматривая толпу вокруг себя. Я начал свои наблюдения с самых дальних рядов. Везде были люди, люди, люди. Затем этот радиус стал спиралевидно сужаться. Какого было моё удивление, когда он заканчивался на мне! Я! Разве я чем-то лучше? Смотрю на других, наблюдаю, оцениваю. Ха! Вот герой нашелся! Сам-то ты каков?

Стыдно и больно.

- Время! Время! – прошёлся в проходе между лавок брат Гриша. Он любит порядок. - Пора начинать.

Народ подсуетился. Наскоро завершали беседы, занимали свои места и тишина щупальцами начала обхватывать один ряд за другим.

Было ровно 10:00.

Возле меня появились мама, папа и Ангелина с подружкой. На их лицах – ни тени грусти. Хотелось верить, что это на долго, а не только до дверей нашего дома. Может быть сегодня случится чудо?

Всякий раз я надеюсь, и всякий раз провально. Но всё равно хочется. Хочется верить!

Перед лицом собрания вышел брат Виктор, человек в преклонном возрасте, начитанный и уважаемый. Ему сегодня предоставлена роль ведущего. Он весьма недурно подготовил вступительное слово, объявил о первой песне, которую исполнил хор, и к молитве пригласил какого-то молодого брата. Я с ним лично не был знаком, но, когда он говорил молитву, переживал за него как за лучшего друга. Молодой человек стоял в неплохом костюмчике с уверенным лицом, но волнение его, наверное, почувствовал каждый. Выдал брата голос. Две минуты, в которые вложилось «Отче Наш», все выстояли достойно терпеливо; где-то только закашляла старушка и где-то заплакал ребенок. В принципе, как всегда, как везде.

На какой-то проповеди я слышал, что если нет мира в семье, и муж не ведёт себя достойно по отношению к жене и к своим обязанностям, то его молитва может быть не услышана Богом. Сколько бы он ни молился, для него небо будет закрыто.[1] Интересно, о чем сейчас молится папа? Молится ли вообще? Он сейчас слышит эту молитву или делает только вид, что слышит? Интересно, барьер к молитве установлен только на уровне небес или есть барьер и в сердце человека? Может ли совесть позволить открыть душу перед Богом, если там, за твоей спиной, в твоём собственном доме беспорядок?

А мама? О чём она сейчас думает? Как и о чём слагает молитву? Она осмысливает каждое слово «Отче Наш» или стоит, склонив голову только для приличия?

А моя сестра? Моя родная сестра? Где она сейчас?

Брат Виктор сказал ещё пару слов, после чего призвал с темой брата Алексея. Названия темы я не запомнил, к моему стыду. Оно мне показалось слишком сложным, так как не смог разобрать ни одиного слога.

Я посмотрел на свой ряд, на своих родителей. Какое благоговейное слушание! Вот бы так же благоговейно они выслушали друг друга хоть раз в жизни! И с таким же благоговением исполняли бы всё то, что услышали здесь!

Интересно, я, когда вырасту, стану ли таким же как они?

Боже, не допусти!

От таких мыслей мне становится не по себе. Я словно сижу в стороне, наблюдаю за своей семьёй и осуждаю их. Но это не так! Я не осуждаю их. Это самые родные мне люди на всем белом свете. Однако, я вижу их каждый день и не могу не видеть всего, что происходит с ними и в них самих. От этих наблюдений мне страшно. Страшно, в первую очередь, за мою семью,

[1] см. 1 Петра 3:7

страшно то, что я вижу, и ещё страшно, что не знаю, как помочь нам. Во вторую очередь, страшно за себя, потому как думаю, что это только мое видение ситуации, что на самом деле всё у всех хорошо и только я испорчен внутри, раз вижу исключительно серые краски.

Я люблю маму и папу, даже Ангелину люблю; но всё-таки есть какая-то неразрешимость, есть какое-то пустое пространство, из-за которого я далёк от них. Кажется, что передо мной только одна ступенька и, переступив её, я буду с семьёй единым. Мне почему-то не хватает сил, а может смелости это сделать. И ещё я заметил, что с каждым днём эта ступенька всё растет, превращаясь в стену, и мне её одолеть становится вовсе невозможно.

- «Ангелу Ефесской церкви напиши, - от такого призыва брата Алексея я аш вздрогнул, - так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников: знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься. Впрочем то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия.»[2]

Я выслушал всё это с открытым ртом. Да, сильный призыв.

- Давайте разберемся о чём здесь идёт речь,- предложил сразу брат Алексей и пустился в длинные объяснения. Он долго перелистывал подготовленную литературу, раскрывал Библию в разных частях, много чего зачитывал, проводил хронологическую линию. В общем, было видно, что человек вник в тему, изучил её и старался как можно лучше нам её передать.

Как только мог, я напрягал своё внимание, но был слаб. Мои мысли улетали далеко отсюда. В моей голове всё ещё крутилась вчерашняя ссора. Папа сильно кричал на маму. Мама сильно кричала на папу. Потом я слышал, как полетела тарелка. Потом я слышал, как треснула дверь. В тот вечер я сидел в своей комнате. Мне было страшно из неё выходить. Моё сердце сильно стучало, но не в груди, а в пятках. Нет! Оно стучало за пределами пяток, где-то совсем отдельно от меня.

Я не помню, как спал этой ночью. Наверное, я и не спал вовсе… Не помню. Честно. Знаю, что было уже светло, когда мама с темными глазами вошла в комнату и сказала собираться. Это точно было. Больше не помню…

- «И Ангелу Смирнской церкви напиши, - я снова вздрогнул, - так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: Знаю твои дела, и скорбь, и нищету, — впрочем ты богат, — и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но — сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, дьявол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни. Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти.»[3]

Похоже, я сплю. Я всё пропустил, что говорил брат Алексей до сих пор. Сейчас он снова пустился в объяснения, снова всё перелопатил в книгах и снова я ничего не понимал. Ни одно слово не вклеивалось в предложение, а предложение - в мысль. Сплошная каша. Я корил себя за это, но не преодолел. Оно было сильнее меня. Я даже не знаю, как оно называется, чем обозначается. Это было «оно». И оно было сильнее.

- «И Ангелу Пергамской церкви напиши, - я очнулся, - так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч: знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь

[2] Книга Откровения 2:1-7

[3] Книга Откровения 2:8-11

имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа. Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали. Так и у тебя есть держащиеся учения Николаитов, которое Я ненавижу. Покайся; а если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих. Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.»[4]

При слове «манна» у меня заурчал живот. Хорошо было Израильтянам. Они каждый день ели мягкие лепешки со вкусом мёда. Наверное, лепешки просто таяли во рту! Это надо же! Пища небес! Её никто никогда не ел на Земле ни до исхода, ни после. Я бы сейчас от манны не отказался.

На такие мысли мой живот отреагировал ещё яростней. Звук меня испугал больше, чем призывы брата Алексея из книги Откровения. Я думал, что меня услышало ползала. Я оглянулся. Родители с прежним благоговением слушали, все остальные были не менее заняты. Я бы решил, что это очень хорошо, но не успел. У меня резко закружилась голова. Она превратилась в тяжёлый гранитный булыжник. Я понял, что это из-за пустого желудка. Нужно было что-то предпринять. У мамы в сумке я нашёл бутылочку с водой. Она меня спасла. Мне сразу стало легче и просветлело в глазах. Я ещё продержусь.

- «И Ангелу Фиатирской церкви напиши, - я уже не пугался, а слушал, - так говорит Сын Божий, у Которого очи, как пламень огненный, и ноги подобны халколивану: знаю твои дела и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых. Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное. Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покаялась. Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим. Вам же и прочим, находящимся в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени; только то, что имеете, держите, пока приду. Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил *власть* от Отца Моего; и дам ему звезду утреннюю. Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам.»[5]

«Имеющий ухо слышать да слышит», - я впервые услышал эти слова и решил, что впредь до конца собрания буду внимательным. Я весь превратился в слух. Правда, это превращение сыграло со мной злую шутку. Раньше я не слышал ничего, кроме своей головопереработки, а сейчас слышал всё вокруг, малейший шорох. Это отвлекало меня ещё больше. Слышно было всё что угодно, но не речь брата Алексея.

«Вж-вж», - у кого-то завибрировал телефон. Вибрация прерывистая, значит, к кому-то пришло сообщение. «Вж-вж», - опять. До меня дошло, что это на моём ряду и совсем неподалёку. Я обернулся. Ну, конечно! Ангелина. Через секунду к ней ещё что-то пришло. Она тут же открыла телефон, глазами прочитала и зарумянилась. Ангела дёрнула подругу за рукав и, душась хохотом, показала ей свой экран. Та с зоркостью сокола всё прочла и, покраснев, прикрыла рот ладошкой. Бедняжке не хватало воздуха, и она песенником, словно веером, обмахивала своё лицо. Придя в себя, та что-то прошептала Ангелине на ухо, и обе зарделись смехом.

[4] Книга Откровения 2:12-17

[5] Книга Откровения 2:18-29

«Ш-ш-ш!» - шикнула на них мама и девчонки успокоились, хотя на самом деле принимали только вид, что успокоились.

Нетрудно догадаться, что взрыв таких ярых эмоций могли вызвать только сообщения от Дениса. Не понимаю, что Ангела в нём нашла. С ним даже поговорить нельзя нормально, можно только посмеяться. Собственно, сестра этим и занимается. Ей смешно и весело. Ей это нравится. Я же придерживаюсь того мнения, что на смехе долго не протянешь. Не можешь ты жить и питаться одними «хи-хи» да «ха-ха». В жизни зачастую (а может быть и всегда) не до смеха. Ангелина, интересно, это понимает?

Перед собранием вышел брат Виктор. Он объявил, что сейчас споёт хор, а затем все присутствующие. После этой паузы брат Алексей продолжит своё слово.

Я снова сделал пару глотков и снова поймал себя на том, что всё пропустил.

Спел хор. Спели мы.

Когда-то давно я слышал такую мысль: «Больше всего христиане грешат во время пения». Какая же это правда! - понял я. Все поют одно и то же, одни слова и один мотив, но мысли их совершенно не в песне и даже не в этом зале. Как у меня, например, сегодня.

Мне за себя стыдно, и я не нахожу в себе сил что-либо изменить. Не могу просто.

Боже, прости, пожалуйста.

Вышел брат Алексей.

- Итак, мои драгоценные, - сказал он, - мы с вами разобрались с четырьмя церквями, четырьмя эпохами, - голос брата стал немного бодрее, очевидно, после пятиминутного отдыха и глотка воды. - Мы говорили о Ефесской, Смирнской, Пергамской и Фиатирской церквях. Таким образом, мы разобрали каждую фразу во второй главе книги апостола Иоанна. Теперь мы переходим на третью. Итак, прочитаем с первого по шестой стихи.

«И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит Имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя. Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых *одеждах*, ибо они достойны, - последние слово было произнесено с особенным торжеством. - Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.»[6]

Брат Алексей закончил читать и взялся за объяснения. Я не смог следить за его мыслями, потому что застрял на выражении «знаю твои дела». С этими словами были обращения ко всем церквям. «Знаю твои дела», - звучит очень страшно и в то же время величественно. Да, Он знает всё. Мне стало ещё более стыдно самого себя. Какой же я безответственный! Какой же я ветреный!

Я обхватил свои виски и прошептал: «Господи, прости меня». Что-то большее моя голова на тот момент не соображала делать.

- «И Ангелу Филадельфийской церкви напиши, - брат Алексей приступил к следующей части главы, - так говорит Святый, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит: знаю твои дела; вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего. Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут, — вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя. И как ты сохранил слово

[6] Книга Откровения 3:1-6

терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле. Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам."[7]

Из всей массы слов я услышал только «побеждающего». Я понял, что концентрация и внимание сегодня не со мной, но, услышав «побеждающего», мне захотелось непременно победить свою слабость. Как много значит победа. Каждая из церквей должна была понимать это; ведь для каждой из них готовилась своя победа и своя награда. Стоило только достичь.

- Братья и сестры, - голос проповедника сгустился, - теперь попрошу вас быть особенно слушающими. - Зал улыбнулся. Присутствующие поняли намек. - Сейчас мы будем говорить о последней, - брат Алексей это подчеркнул, - о седьмой церкви. - Он сделал паузу. Я решил собрать всю силу воли и не пропустить ни одного слова. Победа должна быть моей. - О нас с вами. Лаодикия - это мы. Хотелось бы проследить весь ход пророчества, чтобы картина седьмой церкви была яснее. Итак, Ефес значит «первый, желанный», Смирна – «горький», Пергам - «земное возвышение», Фиатира - «приятный аромат жертвы», - это произносилось как будто речь ведётся не в здании собрания, а на судебном заседании. По телу прошлись мурашки. Где это я? - Дальше, Сарды - «что-то осталось», Филадельфия – «братская любовь», и, наконец, Лаодикия - «испытанный». Братья и сёстры, это великое пророчество. Кое-что уже сбылось и мы видим это по истории, а что-то сбывается в наши дни.

Итак, продолжим. Книга Откровения, третья глава. Начнём с четырнадцатого стиха.

«И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся. Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.»[8]

От всего потока информации, которую в дальнейшем предоставил Алексей, у меня затуманило рассудок. Но я держался. Держался до конца. Мне очень хотелось всё понять. К сожалению, мало что задержалось в голове. Слова, в большинстве своем, пролетали мимо меня.

Из немногих, понятных для меня моментов, было вот что: нужно быть горячим, нужно духовно быть зрячим и носить чистую одежду, нужно быть ревностным, впустить в сердце Иисуса, и, что за такую службу верную можно будет сесть с Христом на престоле Его. Учитывая то, что от предыдущих объяснений у меня вовсе ничего не осталось, то это был большой прорыв. Я даже себя за это немного похвалил.

Правда, сильно долго мне не пришлось радоваться маленькой победой, поскольку шли уже заключительные речи брата Алексея. Брат Алексей был очень доволен, что удалось всё разложить и донести, но он и понятия не имел, как тяжело я пережил его тему. Вскоре проповедника заменил брат Виктор. Он пригласил всех к последнему псалму и молитве.

Спели. Помолились.

Зал снова ожил.

---

[7] Книга Откровения 3:7-13

[8] Книга Откровения 3:14-22

Родители начали разговоры с соседями по ряду. Папа и мама были им искренне рады и за беседой едва ли не заметили, как Ангелина с подружкой вскочили с места с намерением быстренько и незаметно улетучиться. Папа её остановил и взял с неё слово быть возле машины через двадцать минут. Сестра, не задумываясь, согласилась и исчезла.

Так, перекидываясь с знакомыми и малознакомыми то несколькими словечками, то улыбкой, то дружеским пожатием рук, родители постепенно подходили к выходу. Мне же ничего не оставалось делать, как тянуться за ними. Несколько старших братьев, приветствуя папу и маму, пожимали и мою руку, осведомляясь как мои дела. Конечно же я сказал, что у меня всё хорошо. Иначе же и быть не могло!

Мы дошли до нашего BMW. Простояв тут ещё около часа, пока не появилась довольная Ангелина, родители продолжали непринужденное веселое общение с тем же братом Виктором, а потом с Алексеем и его семьёй. Даже когда кажется, что всё обговорили, всегда найдется тема, которую стоит обсудить. Как ни парадоксально, но это так.

Ангелина, получив от подруг хорошую дозу нелестных компонентов своему необычному наряду, громко с ними распрощалась и пошла к нам. Дениса не было на прощании, что меня удивило. На него это не похоже.

Наконец, мы всем пожелали всего самого наилучшего и сели в машину. Тронулись.

По сравнению с живыми разговорами с посторонними, чужими людьми, сейчас была гробовая тишина. Нам просто не о чем говорить.

Я снова прижался к окну. Оно уже не было таким холодным, но всё равно дружески отвлекало меня, открывая передо мной пейзажи дороги. Ангелина опять ткнулась в телефон, и в нём по прежнему издавались отчетливые неритмичные «вж-вж», «вж-вж-вж», «вж-вж».

Ничего в сущности не изменилось. С одной стороны это неплохо, потому что стабильное состояние лучше, чем стремительное его ухудшение. Любой доктор вам так скажет. Например, мой папа. Он у меня дантист, но разбирается во всем. Папа и в зубах поковыряется, и машину починит, и дров нарубит, и, на худой конец, блины пожарит. В общем, мастер на все руки. Я им горжусь и ещё больше буду гордиться, если они с мамой объявят перемирие.

Мама у меня тоже золотая. Она очень нас любит и всячески заботится о нас. Старается, по крайней мере, заботиться. В последнее время мама точно на иголках. Она измотанная, потому что взвинченная, и взвинченная, потому что измотанная. Мне её очень жаль. Я бы хотел ей помочь, хоть чем-нибудь. Если бы только знал чем.

Я оторвался от мигающих пейзажей осени и посмотрел на маму. Она безучастно смотрела в своё окно. Отчасти мы с ней очень похожи.

Когда мы выехали из города, начал накрапывать дождь. С его приходом даже в машине стало зябко. Папа включил печку. Хотя она работала исправно, всё равно хотелось домой. Дома всегда теплее.

«Тепло и сытно, - подумал я. - Ну, по крайней мере, должно быть так».

Дождь усилился и на лобовом стекле забегали дворники. Моё окно вскоре снова вспотело.

- Ты могла бы сдерживать свои комментарии при себе, - довольно мрачно бросил отец замечание. Оно предоставлялось маме.

Мама резко повернулась к папе, около минуты изучала его лицо, а потом не выдержала и сказала:

- Да? Может ты мне прикажешь и не дышать?!

Мои капли поднявшегося настроения смыли безжалостные щетки.

«Нет! Только не это!» - умолял мой внутренний голос.

- Ты знаешь о чём я говорю, - заявил папа.

- Нет, не знаю. Я говорила только с Мариной и Яной, и то о зимних закрутках. Это тебя задело?...

- Нет, ты говорила не только с ними и вообще не о банках. Я всё слышал!

- Что ты слышал?

- Всё, Жанна! Ты опять берешься за своё! - тон голоса отца повысился. - Я же говорил: хочешь домой, иди домой, хочешь на работу, иди на работу! Ты - абсолютно свободный человек! Я тебя не задерживаю. Вольная птица! Пожалуйста!

Моё сердце заколотилось. На глаза наступили слезы. Мне вдруг стало так больно за маму, а потом и за папу. В своих чувствах я путался и, в конечном итоге, захотелось просто плакать.

«Боже, умоляю, - взмолился я, - помоги, как Ты всегда помогал нам…»

Ангелина уже не сидела в телефоне, а исподлобья наблюдала за родителями. На её лице читались и страх, и ненависть. За сестру я испугался ещё больше. Что в её голове сейчас творится? О чём она думает?

«Господи, когда всё это прекратиться?»

- Да, спасибо, что напомнил мне об этом, - голос мамы надломился. - Мы же всё сделали, правда?

Я не мог более сдерживать слезы. Они потекли тёплыми ручейками.

- Только не начинай. Ладно? - завелся отец на слова мамы.

- Я и не начинаю, - завелась и мама. - Это ты начал. Забыл?

- Жанна, какие бы ты сейчас аргументы не приводила, правда на моей стороне. Я прав, - отколотил папа.

- Филипп, - вставила мама с таким же отколачиванием, - ты не прав!

Поскольку я сидел за спиной водителя, лицо отца я не видел, но видел лицо матери. Оно стало серым, бетонно серым, и единственное, что в этом монолите давало признаки жизни, были глаза, полные тревоги и отчаяния.

- Жанна! - закричал папа.

- Филипп! - не сдавалась мама.

- Жанна!...

- Филипп!

Они кричали друг на друга, будто бы пытаясь донести то, что обычными словами не объяснишь.

- Мама! Папа! Замолчите! - заревел я в полный голос, не выдержав ни себя, ни их. Из меня полилось. Я даже не понял, как это произошло.

Родители, как два магнита с одинаковыми зарядами, тут же отпрянули друг от друга и замолкли. Я слышал, как папа шумно и протяжно выдохнул, видно, смиряя свои нервы.

- Савушка, - начала мама извинительным тоном, - ты не смотри так на все это. Мы просто немного не в настроении, но это пройдет. И ты тоже, Ангелина. Хорошо?

Ради мамы я старался успокоиться. После её слов и взгляд Ангелины стал мягче. Я это заметил, но ещё и то, что она сидела, как замершая статуя, ни один мускул на ней не дёрнулся. Что сейчас с ней происходит? - я забеспокоился.

- Это ты портишь всем настроение! - не сбавил пыла папа. - И начала портить ещё семнадцать лет назад!

- Семнадцать лет? - удивилась мама. - Что-то новенькое. Не помню, чем я тебе не угодила в первый год нашей женитьбы?! Можешь объяснить?

Я плакал. Я плакал и спрашивал себя: неужели любить так сложно? Просто любить друг друга, это сложно? Просто любить… Семья… Это разве счастье? Зачем она вообще нужна? Зачем её создают? Чтобы ссориться? Чтобы голосить? Чтобы дети голосили? И ради красивой фотографии на стену? Ради этого?... Не хочу!

- О, - протянул папа, - ты успела тогда изрядно потрепать мои нервы!

- Филипп, - мама поймала его негодование, - прекрати! Ты абсолютно меня не понимаешь и никогда не даёшь мне шанса объясниться.

«Боже, почему?» - обливался я слезами.

- Я не давал тебе шанса?! Да хоть прямо сейчас! Вот! Давай, рассказывай!

- Филипп! - заорала мама не своим голосом. На нас мчалась фура. Она ехала по нашей полосе, желая обогнать соседствующего КАМАЗа. Мама с ужаса дернула руль на себя. Папа дал по тормозам и выворачивал в право. Водитель фуры сигналил. Наши тормоза свистели. Слякоть, туман, свет фар смешались вместе. Нам в сантиметре удалось разминуться с МАНом, но из-за мокрой трассы и высокой скорости папа потерял управление.

- Папа! – завизжала Ангелина.

Мы перевалили дорожную канаву и слетели с резкого откоса.

- Филипп! Боже! - мать вопила, забыв обо всём. Она вцепилась руками, словно клешнями в его плечо, как в единственную помощь и надежду.

Папа молча пытался обуздать неуправляемую железяку, но тщетно. Мы неслись в пропасть.

Я не знаю чем точно это закончилось. Помню лишь, что в последний момент стало совсем тихо и где-то в глубине себя я услышал стук. Это было моё сердце. Стук был единственным и последним.

I

Солнечный свет бил мне по векам и я проснулся.

Первое, что я почувствовал была головная боль. Мои виски напоминали битое стекло. Я попытался к ним прикоснуться, и тут же пожалел об этом. Голова стала болеть ещё сильнее. Ощущение довольно таки неприятное. Я ничего не мог себе предложить, как кроме одолжить у времени несколько минут, чтобы хоть немного разобраться что к чему.

Я обнаружил под собой худую подстилку типа матраса, набитую сеном. Оказывается я спал на полу. Я тут же подумал, что плохой сон является причиной боли, и мне стало спокойнее; с этим можно бороться. Стена, у которой лежала моя кровать, предстала отличным лекарством. Она была холодной. Я опёрся об неё и голова меня начала отпускать.

Я огляделся. Комната была невысокой и небольшой. Солнце, разбудившее меня, поднималось и первые его лучи освещали помещение из широкого и низкого окна. Само окно находилось почти над потолком, позволяя дневному светилу безжалостно бить меня прямо по глазам. Пока солнце только восходило, моя комната была освещена наполовину. Другая её часть оставалась в тени.

Я занялся изучением видимой площади. Стены были покрыты штукатуркой, которая по уголкам потрескалась и отпала. Под потолком и над полом вился двумя полосками орнамент. Он мне сильно напоминал греческие ломанные линии. В комнате стояла этажерка. Там расположились два кувшина, аккуратно сложенные ткани, пять тарелок из глины и маленькая коробочка обтянутая кожей. Дальше я заметил дверь из грубо отесанного дерева. Возле двери, ближе ко мне, находился низкий столик. На нем располагались глиняный таз с водой, кувшин, полотенце, а возглавлял этот гигиенический уголок некое подобие зеркала. Я бы скорее согласился, что это днище отдраенной сковородки, чем зеркало. Я долго изучал его и признаться далеко не сразу в нём заметил себя.

Одежда на мне была нестандартной. Я никак не мог догадаться, как я в ней оказался. Не помню, чтобы что-то подобное было у меня в шкафу. Моё одеяние состояло из халата светло-коричневого цвета (был ли это лён или холстина: не смею утверждать, потому что в тканях не разбираюсь) с тощим пояском и босоножек с тонкими ремешками. Я внутри себя рассмеялся. Оказывается я ещё и спал обутым. Мама бы меня точно отругала, а папа сказал бы, что это не босоножки, а китайский ширпотреб! Я едва ли не расхохотался вслух, но меня что-то

остановило. Будто бы странный забытый сон заклубился в моей голове. Из тишины всплывали визги и крики.

Пропасть. Мы летим. Авария.

Да! Была авария! От пережитого страха закрутило все мышцы.

Моё сердце. Я почувствовал его в груди. Оно бьётся, сильно бьётся.

- Мама! Папа! Ангелина! - меня внутри сводила судорога. - Где вы? Папа! - вскочил я на ноги. - Мама! - Мне хотелось кричать сильнее, но тревога сжала мою гортань, как щипцы, и мой возглас превратился в жалкий вопль. Моё сердце уже не просто сильно билось, а вылетало из груди. Что с нами произошло? Где я? Битое стекло в моей голове раздробилось до крошек. – Мама! Пап!

- М-м-м… - услышал я сонное мычание из затемнённой части комнаты.

Меня передёрнуло.

- Папа? - мои ноги сделали шаг вперёд. Там в углу я разглядел широкий матрас, на котором лежали две фигуры. Подождав минуту, чтобы глаза привыкли к темноте, мне удалось рассмотреть всё в деталях. На меня нахлынула волна облегчения.

«Спасибо, Боже, что они все здесь!»

В одном углу на большой подстилке, которую я сразу заметил, спали родители. В другом уголке, на таком же по размеру матрасе, спала, укутавшись в жесткое одеяло Ангелина.

- Папа? - прикоснулся я к отцовскому плечу. - Пап! – Я не мог их оставить спящими. С нами что-то произошло и это нужно выяснить.

- Что? Что? Что… - вскочил в панике папа. Он огляделся вокруг и, прикоснувшись к голове, вздрогнул. – Ох… Это был сон… Савелий? - заметил меня папа, массируя переносицу. Что ты здесь делаешь? Почему разбудил?

- Я…

- Во что ты одет?! - осмотрел он меня. Не дождавшись ответа, его взгляд помчался по нашей комнате. Я заметил в нём изумление и растерянность. - Где мы? - его вопрос задался шёпотом. - Жанна? - спохватился он, рывком повернувшись к другой спящей фигуре. - Жанна!

Мама медленно поднялась.

- Доброе утро, - хотела она нам пожелать ласково и нежно, но получилось наоборот. Мама схватилась за виски и сморщилась от боли.

- Жанна?

- Очень болит, - объяснила она. - Что случилось?

- А Ангелина, она с тобой? - оставив маму приходить в себя, спросил меня отец.

- Нет… в смысле, да, - не знал я, как ответить, - в смысле, она с нами.

Я подошёл к другому углу, где спала Ангела.

- Что-о-о? - лениво протянула сестра после моих долгих уговоров подняться. - Не хочу вставать… - В знак протеста она натянула своё одеяльце на голову. При этом оголились ступни. Ногам стало холодно. Ангелина с негодованием стянула одеяло вниз. Теперь голова осталась открытой. Осознав бессмысленность борьбы с одеялом, она фыркнула и с ропотом встала. - Почему мне нельзя выспаться хоть раз в год? И что вы все делаете в моей комнате? Что? - огляделась Ангела. - Моя комната?... - не понимала она. – Что? Где… Где я? Вы? - сестра спустила свой взгляд со стен на нас. - Как?... Что? Во что вы…? - пыталась Ангелина задать вопрос, но вопросов оказалось много. - Так! – Она решила пойти путём по-короче и собралась. - Объясните, что это за цирк! Я требую! - теперь её рассеянность превратилась в гнев. - О, нет! - Ангелина заметила свой наряд. - Нет! Что это? - гнев превратился в отчаяние. - Что это на мне? Как понимать?! Это уже слишком! - сестра была убита своим видом.

«Конечно, это же не летняя юбка с топом и вязанным джемпером», - подумал я, и даже хотел произнести, но воздержался. Мало ли.

Если честно, то её халат почти ничем не отличался от моего, разве что он был немного подлиннее и на оттенок светлее. Но я же не обижаюсь. Такая взрослая, а ведёт себя, как в детском садике.

- Тихо…. Тише… - протянула мама, щупая свои виски. - Мы сейчас во всём разберемся. Вы же помните… помните…

- Авария, - добавил папа, погружаясь в воспоминания. - Была авария.

Эти слова как будто бы образумили и просветлили всех. Мама замерла, уставившись на папу. Ангелина перестала негодовать и, наконец, оторвалась от своего платья.

- В таком случае надо полагать… - сказала мама через минуту, - надо полагать, что нас кто-то спас, притащил в своё жилище и позаботился о нас.

- Никогда в жизни со мной такого не было… - заключил с печалью в голосе отец и поднялся на ноги. - Ну, надо же! - оглядел он себя и удивился. - Какой у меня стильный халат!

По пошиву он был не хуже моего наряда, только сам материал (как я мог судить) отличался плотностью.

Папу сильно не забавила его одежда. Он направился к двери.

- Я выйду и найду хозяев, - сказал отец, но не успев сделать и шага, он едва ли не свалился на пол. Оказывается, это были сандалии. Они стояли, заботливо сложенные у ножного конца родительского матраса.

- Ну, надо же… - пробормотал он.

- Как это мило, - улыбнулась мама. - Смотрите, и для меня есть обувь. О, Ангелина, и у тебя тоже!

Ангелина посмотрела на свои сандалии и скривилась.

- Савелий! - мама удивилась, - а ты уже обутый! Как раз для тебя, да?

- Да, - сказал я, умалчивая о том, что в них же я и проснулся.

- Люди, которые нас приняли и спасли, - заключила мама, - очень добры.

Мама встала. Она глянула на себя и смутилась. Мама аккуратно прощупала ткань, робко улыбнулась и подошла к сандалиям. Они тоже чудом оказались точно впору.

- Я просто не знаю, что и сказать, - тронуто призналась она.

Мама выглядела прекрасно. Она словно бы пришла к нам из книг о Древней Греции. Я читал когда-то такие с картинками. Конечно, её платье не было роскошным и белоснежным (как было на картинках изображающих знатных греческих дам), но почему-то, только увидав его, я вспомнил о Греции.

Даже Ангелина засмотрелась. Я заметил.

- Филипп, - обернулась мама к отцу. Она на секунду задержалась, столкнувшись с ним взглядом, и продолжила, - обуйся и ты. Думаю, что тебе тоже подойдёт. Удивительные люди!

- Жан… - хотел что-то сказать папа, но оборвался на полуслове. Его отвлекли звуки за дверью. Это был разговор нескольких людей, но он был далеко до нашей комнаты и слышались только отголоски, и ещё слышалась суета.

- Предлагаю убрать наши постели, - сказала мама, - и выйти к нашим спасителям отблагодарить их. Ангелина, помоги мне.

Ангела причмокнула, но послушалась.

Меня же просить не нужно было. Я о своей постели позаботился сам.

Дверь распахнулась и в комнату без стука и извинений заглянула женщина лет сорока, одетая чуть лучше нашего. Её внезапное явление нас всех немало перепугало.

- Филипп! Жанна! Сколько можно? - начала гостья, мягко говоря, рассерженно. - Хозяин сегодня на иголках. Все готовятся. Будет важный визит. Все на ногах! А вы?... Живо за работу! Хозяин передал распоряжения Луцию. Он вам все объяснит, - выговорив, она прикрыла двери (хотя я ожидал, что она после такого негодования ими хлопнет так, что стены потрескаются) и ушла.

- Э-эээээ… Уважаемая, - попытался остановить её папа.

- Подождите, пожалуйста, - просила мама. Они выглянули в коридор, но никого уже не видели.

Я ни слова не понял из того, что сказала неприветливая незнакомка. Явно, что посыл был крайне важным, но в чём он заключался оставалось загадкой, как я думаю, не только для меня.

- Я пойду и разберусь, - решил папа. - Вы побудьте здесь.

Это мне в отце нравилось всегда. Решительный, ответственный. Он знает, что нужно делать, везде найдёт выход.

- Нет, я иду с тобой, - вмешалась мама и последовала за ним.

- Жанна не начинай!

У меня по спине прошлись мурашки. Эту фразу я уже слышал не раз. Опять? Снова? Неужели? Нет, я вас умоляю!

- Я ещё не сошел с ума, - папа посуровел, - и умею разговаривать с людьми. Вы будете здесь и это…

- Кто будет здесь? - послышался чужой низкий голос. Он звучал из-за папиной спины. Папа тут же оглянулся.

- Простите, я не знал… - начал извиняться отец, переводя дух от испуга.

- Я понял, - перебил человек из коридора.

Мы с Ангелой подошли по-ближе к двери. Там, возле папы стоял мужчина среднего роста, лет шестидесяти, лысый и с идеально выбритой бородой. Держался он весьма достойно и его тога[9] подчёркивала не последнее положение в доме.

- Нам очень нужен хозяин, - объяснил папа. - Вы не подскажете, как нам его найти?

Мужчина в тоге вопросительно просмотрел на папу.

- Видите ли, - понял отец, что нужно разъяснить получше, - мы попали в аварию и ничего не помним и не знаем с того самого момента. Не могли бы нам сказать, что произошло, где мы сейчас и кому обязаны заботой? Может быть это вы нас спасли?

Незнакомец недоверчиво усмехнулся и произнёс непонятные слова на неизвестном наречии.

- Ох уж эти европейские рабы, - сказал он, чтобы было и нам понятно, оценивая нас взглядом покупателя с ног до головы. - Говорил я хозяину, что это лентяи и фантазёры.

- Стоп! – закричал папа. - Никакие мы не рабы! Мы - свободные люди!

- Конечно, - тут же абсолютно спокойно согласился незнакомец. - Вы свободные, но рабы.

- Что за бред! Я требую объяснений!

- Ты найдешь все ответы, когда займёшься своим делом.

Меня коробило изнутри. Один вопрос вырастал из другого и никто никому не давал ответа.

- Так! Мне нужен хозяин этого дома! - не сдаваясь, требовал папа.

- Хозяин сейчас занят подготовкой к великому визиту. Он выслушать вас сможет только вечером, а, пока вы будете ждать аудиенции, выполните его приказания на день, - говорил мужчина в тоге с уверенным спокойствием в голосе и со знанием психологии влияния и манипуляции. (Так, по крайней мере, описала бы его моя мама). – А он велит следующие. Раб Филипп отправляется на задний двор для разделки быка с другими рабами. Рабыня Жанна́ обязуется отмыть полы в атриуме.[10] Ангели́н (это имя произнес он как иностранец) прислуживает на кухне. Савелий – помогает садовнику украсить домус[11] цветами.

---

[9] Тога (лат. toga - tego «покрываю») — верхняя одежда граждан мужского пола в Древнем Риме — кусок белой шерстяной ткани эллипсовидной формы, драпировавшийся вокруг тела.

[10] А́триум или а́трий (лат. atrium от ater «закопчённый; чёрный: помещение, почерневшее от копоти»), каведиум (лат. cavedium «углубление» от cavus «пустой») — первоначально центральная часть древнеримского и древнеиталийского жилища (домуса), представлявшая собой внутренний световой двор, откуда имелись выходы во все остальные помещения.

Так, повелел хозяин, - подытожил странный мужчина. - Если вы будете послушными ему, то и он будет к вам снисходительным.

Я догадался, что мы имеем дело с тем самым Луцием, о котором говорила забежавшая к нам женщина. Очевидно, он какой-то управляющий, менеджер, или кто-то в этом роде. Ещё мне причудилось, что мы попали в театр или, что с нами проводят розыгрыш. Идея мне показалась занятной, а узнать итог этой затеи – ещё более!

- Альба! – крикнул Луций кому-то в коридоре. К нему тут же подошла худая женщина с просидевшими волосами.

- Да, Луций, - склонила она перед ним голову.

- Позаботься о том, чтобы наши европейцы очутились там, где им необходимо работать.

- Да, Луций, - покорно согласилась женщина.

- Напоминаю, - управляющий обратился снова к нам, - эту работу вы выполняете до десяти дня, затем следует вам завтрак, затем вы приступите к другим указаниям господина вашего. Говорю это, чтобы мне вы случайно не заявили, что ничего не знаете, - он хотел уже уйти, но задержался и добавил: - Ещё одно: если завтра, - голос Луция понизился, - или когда-либо ещё повторится подобная, как сегодня, выходка, я вас желать не буду. В доме сотника должна быть дисциплина! - Его пониженный голос превратился в угрожающий. - Понятно? Сегодня для хозяина очень важный день. Не подведите. Я не хочу разборок, как и вы плетей. Правда? А говорить вы будете с ним после, - добавил он мягче. - Возможно, он сможет принять вас после ужина. Следите только за своим языком, чтобы кроме вас и все мы не пострадали.

- Луций, - тихо вставила Альба, - но наш господин не на столько зол.

- Дисциплина в доме сотника, Альба! - дал всё понять Луций.

- Да, - тут же согласилась женщина и ниже склонила голову.

- За работу! - приказал управляющий и удалился.

- Хорошо, - остановил его папа, - мы идём на ваши условия, потому что вы спасли нас, и я надеюсь, что к вечеру вся эта головоломка решится. Ведь так?

Луций только усмехнулся и ушел.

- Скажите, хотя бы где мы? - крикнул папа ему в след.

- Точно не в Риме, - рассмеялся Луций, растворившись в проходе коридора.

«Точно не в Риме», - пронеслось у меня эхом.

Вся ситуация приобретала весьма странный вид. Мне очень хотелось быстрее узнать что к чему и расхохотаться над своей недогадливостью.

- Пойдёмте, - сказала Альба.

Мы последовали за ней. Вернее побежали. Альба так быстро шла, что мы еле догоняли её.

- Думаю, - объяснял бледный отец по дороге, - у этих людей свои причуды. Они хотят, чтобы мы им помогли. Мы им поможем. Прямо мафия, - папа перешёл на шепот. - Да, это неприятно, но лучше послушаться. Так мы сможем сохранить жизни. Не знаешь, что у этих людей может быть в головах. Держитесь только вместе или, по крайней мере, у друг друга на глазах.

- В любом случае, - добавила мама, - мы должны им помочь, потому что они позаботились о нас. Это очень многого стоит.

- Я найду хозяина как можно раньше и всё выясню, - уверял отец. - Думаю, это небольшое недоразумение решиться очень быстро.

- Я домой хочу-у-у, - заныла Ангелина.

- Ангелина, будь благодарной, - шикнула на нее мама, боясь обидеть женщину-проводницу. - Ты не помнишь, как мы летели? Ты не помнишь, что произошло? Чудо, что мы живы и ходить умеем, и руки работают. А, если бы нам не помогли, что бы с нами было?

---

[11] Домус (лат. Domus) — это частный одно- или двухэтажный особняк одной зажиточной семьи или рода в Древнем Риме.

Ангелина смолкла.

- Хозяин очень добр, - сказала Альба, услышав наш разговор, - а в последнее время особенно. Вы не волнуйтесь. Луций просто очень хочет, чтобы в доме его господина был порядок, поэтому он может показаться строгим. На самом деле всё не так. Вам тут понравится, и вы не захотите покидать господина Корнилия, даже если вас отпустят как вольных. Я тому живой пример.

- Уважаемая, - сравнялся с ней папа, с нескрываемой одышкой, - не подскажите ли, где мы сейчас находимся и что с нами, вообще, произошло?

- Где мы? Гм! - улыбнулась Альба нашему наивному незнанию. - Известное дело. Вы - в Кесарии. Вас взял под своё крыло господин Корнилий, сотник[12] Италийского полка, человек знатный, влиятельный и благочестивый. Вам чрезвычайно повезло, что на вас посмотрел именно этот человек. И предположить не в состоянии, по милости каких богов вас взяли всей семьёй, не разделили. Господин Корнилий во истину добрейший человек, - закончила женщина, гордясь службой у этого самого человека.

- Неужели нельзя нам сейчас поговорить с ним? - тут же спросил отец.

- Нет, сегодня нет. По крайней мере, не сейчас. Я уверяю вас, он очень добр и снисходителен к нуждам. Поймите, хозяин встречает своих родственников, друзей, и готовится к приезду великого господина, которого он очень уважает и ожидает. Для него это очень важно, - Альба остановилась и посмотрела на нас. - Давайте отдадим господину Корнилию должное уважение и не будем отвлекать его на свои проблемы, как говорил Луций, хотя бы до вечера.

Искренности Альбы нельзя было не поверить. Складывалось такое впечатление, что весь дом готовился встречать едва ли не президента.

- Но Кесария… - не успокаивался папа. – Что это? Я никогда о ней не слышал.

- Не слышали?- удивилась седовласая женщина.- Caesarea maritima?[13] Caesarea Palestina?[14]

Мы удивлённо молчали.

- Странно. Кесарию знает всё Средиземноморье, - сказала Альба. - Недолог час, вы всё узнаете. Надеюсь, что вы не варвары. Вот, - указала она папе, - за дверью задний двор. Там трудятся над быком. Тебя там ждут.

Папа попятился в указанном направлении.

- Я вас найду, - прошептал он, прежде, чем скрыться от нас.

Мы последовали дальше за Альбой.

У меня в этот момент проскользнула мысль. Нет, не мысль, а подозрение, что попали мы не в театр, а в сон. Уж очень всё странно. Я уже ожидал не чуда развязки розыгрыша, а своего пробуждения. Да, когда я проснусь, тогда точно смогу спокойно выдохнуть.

Через минуту мы покинули сумрачные коридоры с маленькими комнатушками с обеих сторон, и оказались в более просторных и светлых залах. Повсюду мелькали люди: несли, выносили, вешали, застилали. Все были в труде. Женщины были одеты в такие же платья, как у мамы, мужчины и молодые люди - халатики, как у меня.

Судя по суетности приготовлений, ожидаемый гость был очень значим.

В мой нос ударились вкусные запахи. Кто-то где-то что-то жарил, парил, тушил. Раньше я не встречал такого аромата кухни, и сравнить его с запахами вкуснейшей маминой готовки не мог. Мой желудок требовательно заурчал.

---

[12] Сотник или центурио́н (лат. centurio — со́тник) в римской армии — командир центурии; центурионы высшего ранга командовали также более крупными подразделениями (манипула, когорта, вексилляция).

[13] от. лат. «Кесария Приморская»?

[14] от. лат. «Кесария Палестинская»?

«Какой странный сон, - подумал я, - ощущаю и запахи, и голод. Конечно, - стало мне понятно, - мой живот видел с утра только одну воду и во сне, через подсознание, пытается донести до моего сведения о своем пустом существовании. Не знаю, как всё это связано, но мама бы точно объяснила по полочкам. Она у меня логопед и разбирается в детской психологии».

Шагов через десять мы увидели прекрасные двери восточной работы, из-за которых доносились аппетитные запахи.

- Ангели́н, - указала на эту дверь Альба.

Сгорбив плечи, не обронив ни слова, не оставив прощального взгляда, сестра, словно уличный сорванец, ворвалась на кухню.

Альба пошла дальше, мы с мамой – за ней.

Мама прикоснулась к моей руке. Она, как будто маленькая девочка, боялась идти дальше одна (так мне думалось) и хотела взяться за мою ладонь. Мне стало её на секунду жаль и я героически повёл ее два шага. Превозмогли мою жалость обиды и раздражение. Не знаю откуда у меня взялось это чувство. Я тут же сбросил ее руку, как что-то ненужное. Хватит играться со мной!

Заглядывая наперед, признаюсь, что об этом поступке я очень пожалел.

Мама тогда, ничего не сказав, обняла себя за плечи и шла за Альбой, потупив вниз глаза.

В скором времени своды обслуживающих (как мне потом объяснили) помещений оказались у нас за спинами и перед нами раскрылся настоящий дворец. Огромные залы с высокими колонами из мрамора с золотыми поясами, белые статуи, фонтанчики и бассейны под открытым небом (и все это в одном доме!)

Я сделал шаг вперёд, созерцая зрелище вокруг себя, и удивился ощущению, своего шага. Я посмотрел вниз. Мраморный пол.

- Настоящий мрамор! - воскликнула мама, осторожно на него наступая.

Ходить здесь было мягко и легко. Несказанно приятным стало обилие солнечного света. Им было озарено всё. Крыша была устроена таким образом, что оставались большие площади для солнца. У меня складывалось неоднозначное впечатление: я будто бы в доме, и будто бы на улице.

- Я отведу вас в атриум, - сказала Альба.

Мы шли за ней.

Возле бассейнов с фонтанчиками выстроились в горшках небывалые цветы и кусты, образуя на мраморе настоящие оазисы. Здесь же, в цветах, были расположены лавки, обтянутые дорогими тканями (подозреваю, что это был шелк), с яркими подушками.

- Это уже жилище вашего господина? - осведомилась мама у проводницы.

- Нашего, - поправила её Альба.

Должен вас осведомить, что работа тут кипела пуще, чем в предыдущем зале для слуг. Людей и шума было в два раза больше.

Тут точно будут проводить президентский саммит, - подумал я, оценивая масштабы работ.

- Здесь ты будешь убирать, - объяснила Альба маме, когда мы вошли в зал с ещё более роскошной обстановкой. Солнцем был освещен бассейн с фонтаном, отличающийся от предыдущего бортиками ручной вырезки. В них я разглядел лилии, деревья с яблоками (а может быть то были гранаты, я не знаю), сцены из какой-то знаменательной истории. Рисунок пола, помимо мраморных плит, дополнялся мозаикой, передающей образы лавровых листьев. Белоснежные статуи здесь усложнялись медными арфами или венками. Четыре колонны, на которых наседала крыша, украшалась не только золотыми поясами, но и серебряными браслетами, повторяющими лилии фонтанов, лавры мозаики и арфы статуй.

- Секта, Мика, - обратилась Альба к женщинам приводящим в порядок имплювий,[15] - Жанна должна работать с вами.

Женщины молча посмотрели на маму и вернулись к своему занятию.

- Ох, уж эти европейские рабы, - пробубнила одна из них себе под нос, но так, чтобы её «восторг» услышали.

- Альба! - окликнул нашу проводницу высокий человек, таща перед собой вазищу с цветами, пересекая с ней в обнимку атриум. - Где мой помощник?

- Вот, - сказала она и подтолкнула меня к нему. - Иди, - прошептала Альба, - это садовник.

Установив вазу в специальную нишу на одном из углов бассейна, садовник выпрямился, бросив на меня только мимолётный взгляд:

- Твоё имя.

В растерянности я секунду поколебался и ответил, не узнавая свой голос:

- Савелий.

- На выходе, - указал он на огромные арки, не отрываясь от своих цветов, - есть ещё три такие же вазы. Установишь их на соответствующие места, как это сделал я. Закончишь, найдешь меня в таблинуме.[16]

Пройдя под арками, я оказался на улице. Там был не наш город, не наша страна, даже не осень. Тут - лето в самом разгаре!

Я прикоснулся к своим вискам. Нет, битого стекла уже не нашлось; вместо него был холодный мрамор.

Где мы? - пытался понять я, ища вокруг хоть самую незначительную зацепку.

«Точно не в Риме», - пронесся смех Луция у меня в голове.

«Caesarea Palestina», - звучала Альба.

«Господин Корнилий». «Гости».

К чему бы все это?

Я огляделся. Нет ни одного признака современной цивилизации. Хоть бы у кого-то в кармане халата телефон зазвонил! Хоть бы один, позабыв о деле, спросил нет ли здесь вайфая! Хоть кто-то… Хоть что-то…

Ничего.

Совершенно чужое место. Передо мной на всю ширину взгляда раскинулся городок с красно-кирпичными крышами. От него доносился шум, торг. Там была своя жизнь. Воздух соленый, в облаках кричат чайки, а над красными крышами тянется узкая синяя полоса. Море, - понял я. От близости моря мне вмиг стало легче и привольнее. Море… Я пригляделся и заметил, как к берегу мчат паруса, гонимые ветром. Эти паруса были не больше перышка по размеру и точно снежинки кружили в бездонной синеве. Одни корабли приплывали, другие - только отправлялись в плавание. Помимо величественных гигантов мельтешили рыбацкие лодки и маленькие парусники.

Я вдруг почувствовал себя незначительным, забытым, потерянным.

«Не может же это длиться вечно, - успокаивал я себя, спускаясь по парадной лестнице. - Всему всегда есть логическое объяснение и логический конец».

Внизу меня ожидали три вазы и ещё целая повозка всевозможных цветов от синей до алой окраски. Среди всей массы я смог различить только фиалки и лилии.

В ряд с моей повозкой выстроились и другие с виноградом, персиками, яблоками, гранатами и апельсинами. Возле них, пока держал своих ослов за поводья человек в тюбетейке,

---

[15] Имплювий (также имплувий или имплювиум, от лат. impluvium — водосбор) — это небольшой неглубокий четырёхугольный бассейн в центре атрия (внутреннего дворика) древнеиталийского и древнеримского жилого дома.

[16] Таблинум — это главное помещение в древнеримском жилом доме, которое находилось сразу за атриумом (главной парадной комнатой).

возраст которого определить было сложно, возились мальчишки чуть старше меня. Они переносили в дом корзины с фруктами: кто на голове, кто на плечах.

Моя повозка была без осла и я немало перепугался, когда заметил какими хищными глазами таращились на мои цветы эти длинноухие соседские скакуны. Я уже решался пойти в контратаку, но ситуацию спас Луций.

- Ехник! - крикнул он, выбежав из дома, что на него было совсем не похоже. Наверное, Луций и сам это понял, тут же сгруппировался и, спускаясь со ступенек, продолжил более мягче, но не без строгости. - Ехник! Как это понимать?!

Смуглолицый Ехник, поправляя свою тюбетейку, удивлённо посмотрел на Луция.

- Ты… Ты только посмотри… - безнадежно размахивал руками управляющий, с глубокой скорбью лицезря истоптанную пыльную мраморную лестницу и прекрасных ослов, успевших «оставить след» перед самым входом в господский дом. - Разве так можно, Ехник? Почему не на заднем дворе?

- Там бык, - ответил невинный Ехник, коверкая слова. - Что я с ним бы делал? А ещё и этат… рыбки золотистый.

- Рыбки? - Луций был вне себя. - Какие ещё рыбки?

- Не знаю. Рыбак сказал для бассейн господин Корнилия. Рыбки золотистый.

- Ах да! - вспомнил Луций. Его лицо разгладилось и покраснело, слово по нему прошёлся утюг. - Рыбки для имплювия!… Рыбак ждёт ещё платы!… - Бедный управляющий, не смотря на внешнее полное самообладание, был растерян не на шутку. Вспомнив о расчете с рыбаком, он ринулся назад в домус, но тут же обернулся к Ехнику, дабы не упустить дать распоряжения. - Моли своего бога, чтобы господин Корнилий не увидел этого!

- Уже молю! - раболепствуя, Ехник сложил молитвенно руки к Луцию.

- Что? - выпрямился управляющий. - Ехник, выгружайся и беги от сюда! Только молитв мне сегодня не хватало! Вон от глаз моих!

- Не гневайся на меня, господин, - умолял человек в тюбетейке. - Я слышал, что сейчас должен прийти в порт корабль из Китая с фруктами, каких свет не видел. Не желает ли господин приобретать их для своего пира и для гостей, - пытался загладить Ехник свою вину.

- Что это за фрукты? - зацепила Луция новинка.

- Невиданные.

- Так узнай всё доподлинно сначала, а потом докладывай… - не успел закончить Луций.

- А свинину? - вставил Ехник. - У моего друга отличная свинина…

- Никаких свиней! - отрезал Луций. - Чтобы и запаха их здесь не было! Корнилий сам так распорядился! Да разразит тебя Юпитер, если ты возьмёшь сюда свинью!

- Слушаюсь! Слушаюсь, - уверял Ехник. - Проклят мой язык! Проклят!

- Так! Ехник, - скомандовал Луций, - я оплатил тебе?

- О, более чем, мой господин!

- Славно, - заключил управляющий с облегчением. - Разгрузишься и будешь свободен.

- Как скажет господин, - Ехник согнул спину почти до земли.

Луций смирил несчастного взглядом и хотел развернуться и уйти, но снова задержался.

- Асман, - окликнул он мальчишку, который только взялся за ручки корзины с виноградом красивого бардового цвета. - Найди Альбу и скажи ей, чтобы разобралась с этой лестницей. Скажи: так приказал Луций.

- Слушаюсь, господин, - немедля бросил мальчик корзину и, перепрыгивая через две ступени, погнал в домус.

Луций, наконец, мог пойти к рыбаку.

- Господин, - прервал снова его шествие человек в тюбетейке.

Луций остановился, тяжело спустив плечи.

- Прикажет ли мне господин узнать о диковинных фруктах? - осведомился Ехник.

- Узнай и дай отчёт.

- Пусть вечно стоит дом твой, милостивый господин.

- Ступай, ступай, - отпустил его Луций.

Перед очередным началом пути, под строгий контролирующий взгляд управляющего попал и я. Это была секунда, но я вздрогнул, тут же схватил тяжеленую вазу и потащил её в атриум. Со страху получить очередной недовольный комментарий («Ох, уж эти европейские рабы!»), я даже не ощутил поначалу веса этой вазы. Понял, что она тяжеленая только в атриуме. Мама за меня испугалась и, бросив тряпку, побежала помочь.

Через минуту ваза была установлена в своё ложе.

- Боже, Савелий, - переживала мама. - Как ты её только донес? Ты повредишь себе.

- Что здесь? - возле нас очутилась Альба в сопровождении уже знакомого мне мальчика. Мама хотела что-то сказать, но Альба визуально оценив ситуацию, всё поняла и продолжила. - Мика, и ты, Секта, вы окончили работу?

Женщины выпрямились и в хор ответили:

- Да, Альба.

- Прекрасно. Секта, помоги Жанне. Пол должен быть готов через четверть часа. Мика, перенеси вазы вместе с мальчиком. Поторапливайтесь. Вас ожидает завтрак.

Альба направилась к выходу, но её нагнала мама. Она поймала её за локоть и умоляюще начала:

- Прошу! Прошу! Одну минуту уделите мне, - её голос дрожал.

Женщина остановилась, изумлённо оглядывая маму. Она жестом отпустила мальчишку и дала понять матери, что слушает её.

- Я знаю, вы добрая женщина! Я знаю, вы не откажете мне, - едва ли сдерживала моя мама слезы. Я забеспокоился. Я не понимал её поведения. - Я в тревоге! Я боюсь. Мы здесь впервые. Мы здесь случайно. Я не знаю, как мы здесь оказались, - слезы уже текли реками. - Поймите, прошу! Нас разделили. Я… Я не знаю, что вообще происходит… Где мои дети? Что с ними? Где мой муж? Всё ли с ними будет в порядке?... О, добрая женщина! Скажите… Умоляю, скажите, не причинят ли им вреда? Вы же меня понимаете… - мама стала перед Альбой на колени. - Вы же понимаете, у меня дочь, и сын, и муж! Вдруг с ними что-то случится? Я должна знать… Знать точно. Вы же меня понимаете…

Альба, похоже, действительно, её понимала и лёгким движением подняла маму на ноги.

- Всё в порядке, моя дорогая, - сказала женщина убедительно и прямо. -Нашему хозяину нужны только послушные и добросовестные работники. Жанна, ты меня слышишь? - Альба заглянула в мамины мокрые глаза. Мама поглощала каждое её слово и перевела свой плач на редкие всхлипывания. - И даже если кто-нибудь вас обидит, ты смело можешь обращаться ко мне и я все решу. Ты слышишь?

Мама благодарственно закивала головой, поспешно вытирая слёзы. Альба её обнадежила и она успокаивалась.

- То же самое, не хочу оставлять тебя в неведении, Луций и я объяснили твоему мужу. Он едва ли не превратил задний двор в руины Вавилона. Наш рыболов, хоть и не отличается скромностью, но увиденной сцене был удивлен. Филипп говорил почти то же, что и ты, только в форме угроз. Все вы встретитесь за завтраком. В ваших интересах закончить свою работу и пойти к столам.

Мама заметно преобразилась.

- Такого больше не повториться, правда? - мягко спросила Альба.

Мама, словно маленькая девочка, тут же кивнула.

- Я очень рада, - облегченно сказала седовласая женщина. - Приступайте к своим обязанностям. - Альба развернулась к выходу и бросила беглый взгляд на меня. Я всё понял и оказался на лестнице быстрее ее. Мика последовала за мной.

В очередной раз спускаясь по лестнице, я пытался объясниться сам себе. Мама, её слезы, папа развеяли во мне идеи о забавном розыгрыше, театральном представлении и о необычайном сне. Как черный паук подкралась мысль, что это не мираж, а… реальность. Самое что ни есть настоящее. По мне прошлись мурашки. Ни один пазл не ложился на своё место.

«Боже…» - хотелось мне попросить, но я осекся. Мне стало стыдно. Сколько всего произошло, а я о Нём вспомнил только сейчас, и только тогда, когда мой разум понял, что попал в тупик. Я посмотрел на безупречно синее небо. Ни одного слова я не смог выдавить туда.

Мы с Микой работали молча. К моему удивлению, когда мы поднимались с последней из ваз, ни ослов, ни повозок с фруктами, ни мужичка в тюбетейке, ни песка на ступенях уже не было. Вся лестница блестала в своем великолепии. Альба обо всём позаботилась, - понял я.

- Кто такая Альба? - спросил я у Мики. Эта женщина для меня была загадкой. Да, и в принципе, весь уклад порядка в доме неизвестного Корнилия был для меня загадкой.

- Альба отвечает за слуг господина Корнилия, - ответила Мика. (Оказалось, что Мика довольно общительна.) - Она самая старая из всей прислуги и за годы работы, и за преданность заслужила доверия господ. Вот и положили её на это место.

- А Луций?

- Луций управляет всем домусом господина Корнилия.

Что ж, мои предположения по поводу Луция совпали, - подумал я.

- А ты?

- Я - служанка, как и все, - сказала Мика.

- И долго ты тут работаешь?

- Двадцать лет.

- Двадцать?! - я оглядел её. На вид ей нельзя было дать и тридцати.

- Меня купили для госпожи, когда я была ещё ребёнком, - объяснила она. - Я принадлежу госпоже Петронии, жене господина Корнилия. Просто сегодня великий визит и мне приказано работать в домусе с остальными. Обычно я служу в покоях госпожи.

- Должна быть в покоях госпожи, - сказал я, - а работаешь со мной. Сейчас скажешь, что европейские… - следующее слово для меня вышло с трудом. Я не привык его выговаривать, а особенно в том контексте, когда речь шла обо мне и моей семье, - рабы… что с ними что-то не так.

Мика хихикнула.

- Нет, не скажу, - обещала она. - Ты мог это услышать от Секты. Не обращай внимания. Она немного ворчливая.

Мы вошли в атриум и уложили несносную вазу. По началу я цветами любовался, а сейчас меня от них воротило.

- Просто, - продолжала Мика, борясь со своей одышкой, - рабы из Европы, когда приплывают на восток, ведут себя напыщенно, своей работы не знают, а иногда могут и злословить господ при их же присутствии. Они напоминают римских гусей. Хотя куплены так же, как и другие, но ставят себя выше. Поэтому их тут не очень жалуют.

- Понял, - сказал я, взвешивая неравную политику и осмотрев атриум. Мамы и Секты тут не оказалось. Пол был вымыт начисто.

- Твоя мать, наверное ждёт тебя в экседре,[17] - поняла Мика мой бегающий взгляд. - Все сейчас трапезничают.

Я сейчас только заметил, что внутри дома стало удивительно тихо и безлюдно.

- Если ты пойдешь прямо через атриум, то вскоре её найдешь, - добавила служанка.

[17] Экседра — это глубокая полукруглая ниша или парадное полуоткрытое помещение, которое примыкало к основному пространству (например, к атрию или перистилю) и обычно завершалось сводом.

Я без промедления пустился в путь. Мой желудок готов был изгрызть меня изнутри. Сколько же времени прошло с тех пор, когда я в последний раз кушал? Хотелось сказать: сутки. Спохватившись и оглядевшись вокруг, я осознал, что потерял счёт времени окончательно. Где я? Когда я?

- А ты? – я остановился, не увидев рядом с собой Мики.

- Я иду сначала послужить госпоже, - сказала она и направилась в другое крыло домуса.

Мама меня ждала у полукружной стены (в экседре). Она вышла мне навстречу, взяла меня за руку и повела в длинное помещение, похожее на столовую. В маминой руке я чувствовал маленькую дрожь. Сама же она меня вела, независимо подняв голову и старательно ища необходимое место среди длинных рядов слуг и служанок. Теперь я точно мамину руку не отпущу, как бы ей, маленькой, не было страшно.

Нас ждали папа и Ангелина, заняв для нас с мамой места. Мы сели на корточки (тут все кушали или на коленях или лёжа), и только тогда я отпустил мамину ладонь. Довел.

Столы походили на низкие лавочки. На них нам подали странный суп, большие лепешки, сухофрукты и орехи. Я охватил всё и сразу. Еда была неописуемо вкусной (так мне, голодному, она пришлась).

В столовой, не смотря на большое количество посетителей, не стоял сильный шум. Мы тоже ели тихо и лишь взглядами перекидывались с одного на другого. Говорить стоило о многом, но никто не знал о чём именно.

На моих глазах до сих пор стояла картина плачущей матери перед Альбой, до сих пор я слышал, как Альба говорила о бушующем отце. Мне представлялось, что эта долгожданная (ведь мы не виделись два часа) и волнительная сцена будет похожа на встречу Иосифа с Иаковом или Израильского народа с землёй обетованной. Всё сложилось по-другому, вернее, как всегда. Можно было заключить, что мы в таком доме, в таком окружении и положении живём с самого рождения, что день идёт своим чередом и что ничего необычайного сегодня с нами не произошло.

- Всё хорошо? - как бы невзначай спросила мама.

Папа поднял на неё глаза:

- Да, - не задумываясь ответил он. - Отлично просто.

- Хорошо, - ткнулась мама в свою тарелку.

На улице лето, в помещении довольно таки тепло и даже душно, но мне стало холодно.

- Ангелина, а ты? - мама взглянула на сестру.

- Мне нравится, - сказала Ангелина совершенно спокойно.

- Я рада, - проглотила мама ком в горле (я это услышал).

- Я поговорю с Корнилием, - начал папа. - Всему есть объяснение.

Меня это ободрило. Слова звучали обнадеживающе и похожие на папу, и немного на меня. Я тоже считаю, что всему есть объяснение.

- Всё вырулится. Люди, вроде как, адекватные, неплохо относятся, кормят, - указал папа на блюда, - поэтому подождем подходящего момента. Вечером, я уверен, мы уже будем дома или хотя бы по дороге туда.

Мама смотрела на него благодарными глазами. Отцовских слов и маминого взгляда было достаточно, чтобы успокоиться и надеяться.

После трапезы я оказался в таблинуме, следуя за садовником. Он мне рассказал, что сам из Афин, что служил четырем господам, но все его долго не держали и продавали следующему, пока он не попал в дом Корнилия. Здесь садовник работает больше шести лет, его любят, уважают, назвали Феликсом. До сих пор у него не было имени. Прежние хозяева обращались к нему «раб из Афин». Феликс своему имени был чрезвычайно рад. «Феликс» значит счастливый, - объяснял он мне, - а счастливый потому, что выращиваю эту красоту, - прикоснулся садовник к цветам, - и что служу у господина Корнилия».

Мне не терпелось уже узнать, кто такой Корнилий. Я столько наслышан о нём с утра, но ещё не видел.

Пока Феликс рисовал проект расстановки цветов в таблинуме и объяснял мне подходящую их композицию, Луций с горящими глазами промчался через атриум и спешил к покоям господ. Меня заинтересовала взволнованность непоколебимого Луция и я проследил за ним, выглянув из-за угла.

На встречу управляющему шел равномерными шагами статный человек в белоснежной тоге и с проседью на висках. Он взглядом окинул весь домус, оценивая его изнутри. Несмотря на серьезный подход к участливому изучению обстановки, мужчина был глубоко погружен в себя. Заметив Луция, он остановился.

- Что случилось, Луций? - спросил мужчина властным, но не злым голосом.

- Мой господин, - поклонился управляющий, - твой брат Аверьян Антонин и его дом, а также твоя племянница Иутерна и ее дом только что прибыли и…

Я заметил, как с новостью управляющего, лицо господина просветлело. Он не дождался окончания речи Луция, и объявил:

- Чего же ты ждёшь? Зови их скорей!

Луций в знак покорнейшего согласия склонил голову и устремился назад с горящим воодушевлением.

Человек, которого Луций назвал господином, тут же устремился в атриум с воодушевлением не менее сильным.

- Мика, - он на секунду остановился, увидев служанку за перилами. Она несла на подносе сосуд и чаши. - Передай госпоже Петронии, что необходимо оставить на время составление с поваром вечерней трапезы и выйти в атриум. У нас гости, - последняя фраза была произнесена с особенной торжественностью.

- Да, мой господин, - ответила Мика и поспешила исполнить приказ.

Я перекинулся к другой стене, чтобы проследить за господином Корнилием. (Я сразу понял, кто это). Он буквально бежал на встречу к гостям. Луций церемониально и с высоким почтением ввел посетителей в атриум. В общей сложности вошло человек семь в чистейших тогах и лёгких платьях. Точно не рабы, - подумал я.

- Аверьян! - бросился на шею самого высокого и старшего из всей той компании господин нашего домуса.

- Корнилий! Брат! - крепко обнял его Аверьян. - Слава богам, что я вижу тебя! Я заверял Плутона и Зевса, чтобы наше плавание прошло безукоризненно. И вот, мы здесь! Да пошлёт тебе Олимп здоровья и мира!

- Иутерна, - поцеловал Корнилий прекраснейшую из пришедших женщин в щеку.

- Дядюшка, - не скрывала она своего восторга и поспешно прикоснулась губами к его сухой ладони. - Рада видеть тебя.

Из-за её платья выскочила к Корнилию девочка лет шести, абсолютная копия Иутерны. Дочка.

- Я тоже здесь! - заявила она, нарушая ритуал приветствий и кинулась к дядьке.

- Паулина! - сделала замечание Иутерна. – Мы же с тобой условились ещё на корабле. Ты позабыла?

Корнилий от души рассмеялся.

- Ничего, - сказал он. - У дяди Корнилия можно и так.

- Петрония! Тетя Петрония! - заметила Паулина входящую в атриум хозяйку дома.

Хотя молодость женщины давно прошла, она была стройна и каждое её движение иначе чем «изящное», назвать не представлялось возможным.

- О, моя маленькая Паулина! – Петрония тут же открыла для девочки свои объятия.

- Максимилиан, - протянул руку Корнилий молодому человеку, стоящему возле Иутерны.

- Аве, Корнилий, - поздоровался он, пожав его за предплечье.

- Да здравствует Корнилий и Петрония, и весь дом их! - слегка склонила голову женщина, которая стояла в руку с Аверьяном.

- Исора, здравствуй, - произнес растроганный хозяин и перенес взгляд на двух молодых людей. Они выпрямились, хлопнули два раза по груди и подняли ладонь вверх.

- Аве, Корнилий! - молодые люди произнесли это почти хором.

- Валерий! Виталий! - Корнилий прослезился. - К чему все эти обязательства? - он по-отцовски прижал их к своему сердцу. - Как же вы возмужали! - отпустив юношей, Корнилий трепетно изучал их лица, пышущие здоровьем и энергией. - Во истину, - заключил он, - дом Аверьяна Антонина будет процветать!

- Корнилий, - начал Максимилиан, - мы были встревожены твоим письмом. Что же случилось?

- Право, Корнилий, - добавил Аверьян, - мы гнали из Рима на всех парусах. Я знаю, что ты заинтересовался одним Богом, Богом иудеев. Мы, несомненно, счастливы увидеться, но стоило ли из-за верования поднимать такое волнение. Первой моей мыслью, когда мы получили твоё письмо, было восстание этих иудейских собак в Кесарии. Только раскрывая послание, я намеревался вызвать моего опциона,[18] дабы немедленно созвать войско на помощь тебе. Но, когда я всё-таки прочёл… О, боги! - Аверьян возвёл глаза. - Ты пишешь об ангеле, об апостоле… Корнилий, - брат сотника опустил плечи, - мы сейчас все ни во что не верим. Никто не верит.

- Верят только в философию, - добавила Исора.

- Богов нет. Есть стоики,[19] эпикурейцы,[20] последователи Платона[21] и есть человеческое объяснение всему, - продолжил Аверьян.

- Тем не менее, - сказал Корнилий, - ты приветствовал меня едва ли всем Олимпом.

- Остались лишь приветствия, брат. Нужно же соблюдать традиции Рима.

- Как я могу судить, - произнес Максимилиан, - народ без бога жить не может. Человеку нужен бог. Философия стирает все границы.

- Истинно, - согласился Аверьян и с долей сомнения добавил. - Рим наслышан о великом пророке в Израиле, который вещал о Едином Боге. Не этим ли вдохновился и ты?

- Да, Аверьян, этим, - ответил Корнилий.

- Поведай же нам, - просил брат.

- И об апостоле, - дополнил Максимилиан. - Кто он?

- Я всё расскажу вам, - пообещал Корнилий. - Но прежде отдохните после плавания, подкрепитесь пищей, и тогда мы побеседуем. До прихода апостола у нас есть немного времени. Ожидаю его с часа на час, и я весьма рад, что в этот славный день для меня, вы будете свидетелями и будете в моем доме, где ступит нога святого человека. Луций! - призвал господин своего управляющего. Последний же стоял в тени угла атриума и с покорным благоговением наблюдал за семейной сценой. При обращении Корнилия, он немедленно подошёл к сотнику. - Проведи наших гостей в их опочивальни. Позаботься о том, чтобы были перенесены все их

---

[18] Опцион (optio) — это младший офицер в римской армии, который был прямым помощником и заместителем центуриона.

[19] Стоик — это человек, который следует принципам стоицизма — античной философской школы, зародившейся в Афинах примерно в 300 году до н. э.. Название происходит от греческого слова stoa (портик) — места, где основатель школы Зенон Китийский обучал своих учеников. Главное правило: различать то, что зависит от нас (наши мысли, поступки, отношение к событиям), и то, что от нас не зависит (погода, чужие мнения, мировые кризисы). На первые нужно влиять, а вторые — принимать со спокойствием.

[20] Эпикуреец — это последователь философского учения эпикуреизма, основанного древнегреческим философом Эпикуром. Суть философии: Высшим благом и целью жизни считается наслаждение, под которым понимается отсутствие физической боли и душевных тревог (атараксия).

[21] Платоники (последователи Платона) — это последователи древнегреческого философа Платона или приверженцы философского направления платонизма. Они придерживаются идеи: мир делится на изменчивый физический мир и вечный, неизменный мир идеальных сущностей (идей).

вещи, а их слуги – хорошо расположены. Да, и передай Альбе, дабы она обеспечила гостей и их слуг пищей, и, конечно, всеми удобствами нашего домуса.

- Слушаюсь, господин.

- И ещё, - сказал Корнилий, - я желаю проверить все подготовки к приходу великого гостя. Я проведу осмотр с тобой, чтобы при необходимости дать дальнейшие указания.

- Слушаюсь, мой господин.

- Ты найдешь меня здесь.

- Конечно, мой господин, - Луций поклонился, вышел перед гостями и, склонив перед ними голову, сказал: - Почтенные господа, прошу следовать за мной.

Колона направилась за управляющим.

- Тетя Петрония! - воскликнула Паулина, проходя мимо бассейна с фонтаном. - Что это? – она оперлась о бортики и заглянула внутрь. - Это рыбки?!

- Да, моя милая, - ответила Петрония, присев на бортик. - Тебе нравится?

- Они чудесные!

Вскоре над рыбками собрались все гости.

- Ты умеешь удивлять, Корнилий, - похвалил хозяина Максимилиан.

- О, дядюшка, - восторгалась Иутерна, - эти прекрасные создания, эти прекрасные цветы! Столько труда и вложений! И это только атриум! Я даже не могу представить, что ожидает нас дальше. Должно быть, нынешний день, действительно, очень важен для тебя.

- Да, дитя мое, - Корнилий нежно прикоснулся к щеке племянницы. - И я уверен, что он станет важным для всех нас.

- Ой, щекочется! – рассмеялась Паулина, поймав за хвостик одну из рыбок. Та рвалась на свободу и плавниками билась о ладонь девочки, пока она не отпустила. - Дядя Корнилий, они великолепные! Я такие могла видеть только на мозаике. А тут они самые настоящие! Живые!

- Конечно, - сказал с снисходительной улыбкой Корнилий. - Рыбки из Кесарии - таланты!

- Можно ли будет мне с ними играть?

- Несомненно, - дал согласие сотник. - Смотри, смотри! Как они кружат! - указал Корнилий в глубь бассейна. - Наверное, это они обрадовались, что ты с ними будешь проводить время.

Девочка ахнула, заворожённая игрой золотистых рыбок.

- Нет! – смеясь, возразил один из молодых людей (я думаю, что Виталий), - Это они не от радости, а от страха, что их замучат!

Гости рассмеялись.

Паулина тоже хотела смеяться, но заколебалась. Всё-таки был произнесен не самый лестный комплемент в её адрес.

- Наоборот, - сказала она. - Я буду их кормить, буду о них заботиться.

- Ни на йоту не сомневаюсь, - поддержала девочку Петрония. - Они подрастут и окрепнут. Когда же вы будете уплывать домой, то ты сможешь в вазе взять их с собой в Рим.

- Спасибо! - поспешила Паулина обнять тетю за ноги.

Не долго ещё продолжались их разговоры.

Все разошлись. Атриум опустел.

- Интересно, правда? - раздался надо мною голос. Сердце застучало в пятках. Я поднял голову. Рядом со мной стоял и наблюдал за встречей родственников Феликс.

- Ты меня испугал, - признался я, переводя дыхание.

- О! О! - понял Феликс. - Прости. Просто мне тоже было любопытно; а, когда я увидел тебя тут, то стало любопытнее ещё в два раза. Не удержался… Всё! – спохватился садовник. - Не хватало, чтоб нас заметила Альба или Луций. За работу! За мной! - приказал он мне, и мы вышли на улицу к уже знакомой повозке. - Ты помнишь, что я тебе говорил про освещение в таблинуме?

Я посмотрел на садовника как иностранец, не понимающий чужой речи, и замотал головой «нет». (Я же был занят не освещением, а гостями).

- Понятно, - смирился Феликс. - Тогда просто перенеси туда эти десять горшков, - указал он на оставшееся в повозке. - И побыстрее! Хозяин будет проводить осмотр сам лично. Ты же слышал. Быстро! Иначе нам всем влетит.

Объяснять дважды мне не стоило. Я тут же взялся за цветы, прекрасно понимая, что сниться они мне будут целую неделю. Что в цветах только находят?! Они несносны.

Не знаю, сколько времени прошло, но с таблинумом мы покончили и перешли в перистиль.[22] Феликс подготовил глиняные чаши, объяснил, как их следует расставить и удалился в сад (он располагался за домусом).

Пока я носился с цветами из таблинума на улицу, с улицы в таблинум, повидался с папой и мамой. Они не сияли восторгом. Я с радостью и надеждой на их ободрение сообщил, что видел того самого Корнилия, что он, кажется, не жестокий, а, напротив, милосердный человек, что стоит Альбе и Луцию доверять, что можно с господином говорить и что он обязательно выслушает. Отец и мать сказали, что тоже видели Корнилия где-то в коридоре вместе с Луцием. У них сложилось несколько иное мнение о сотнике.

- Судя по тому, как он проверял весь дом, всю нашу работу, - сказала мама, - то придирчивость это его второе имя.

- О, нет же, - возразил я. - Разве вы не помните? Он ожидает большого знатного гостя, поэтому так готовится. Корнилий даже созвал по этому поводу своих родственников! Он очень переживает, чтобы угодить своему гостю. Можно его понять как хозяина.

На это родители только пожали плечами и мы разбежались: я - в перистиль, мама - на кухню, папа - нарубить дров для повара.

Для меня перистиль представлялся райским уголком. Вода фонтана приятно журчала, зелень кустов была приятной и, конечно, мягкие подушки, я был уверен, приятно ласкали бы мою уставшую голову и уставшее тело.

Столько горшков и ваз за всю жизнь не перетащил. Одно радовало: украшение перистиля было завершающим из всей цветочной процессии. На сей раз мне уже было поручено устанавливать какие-то чаши, оформленные небывалым дизайнером Феликсом на специальные тумбы у колон.

И вот, пыхтя с этой несчастной чашей, дошлёпал до перистиля. Там оказались все гости и господин с госпожой. Они сидели вокруг фонтана на ярких скамьях с подушками и увлеченно беседовали. Мне стало неловко. Не мог же я, вмешиваясь в их уединение, выполнять свою работу. Слуг здесь не было ни одного; их утреннее роение утихло. Я остановился у входа и не знал куда податься. Где же Феликс? - в отчаянии думал я.

- Савелий, - ко мне обратились из группы гостей и я выпрямился. Это была Петрония. С ее обращением все гости посмотрели в мою сторону. В том числе и Паулина, которая игралась на руках хозяйки. Меня передёрнуло. Что же будет? - Ты можешь продолжить свое занятие, - сказала она со снисходительной мягкостью. - Ты нам не помешаешь.

В знак согласия и понимания, я робко кивнул и попятился к первой тумбе. Должно быть вид мой был смешным. Я собрал голову в плечи и ссутулился под наблюдением знатных особ. Никогда бы не подумал, что смогу так себя вести. В эту минуту, я понял кто я. Я, действительно, раб. Это моя жизнь.

- Продолжай, Корнилий, - обратился к брату Аверьян.

---

[22] Перисти́ль (лат. peristylium, от др.-греч. περίστυλος) — окружённое колоннами пространство (др.-греч. περί — вокруг; др.-греч. στῦλος — столб, опора). В античной архитектуре — прямоугольные в плане двор, сад или площадь, окружённые со всех четырёх сторон крытой колоннадой или отдельными портиками.

Устанавливая чашу, я расположился к гостям спиной и не мог видеть, кто говорит, но распознал Аверьяна по голосу.

- Три дня назад, около девятого часа дня, - начал повествование сотник, - я молился и увидел видение. - Любопытство моё меня одолевало, и я навострил уши, боясь пропустить хоть слово. Любопытство не питалось жаждой сплетен или новостей. Нет. Оно питалось жаждой жизни и знания о происходящей неразгаданной реальности. - Это был Ангел Божий, - голос Корнилия волновался. Он словно переживал это видение снова. У меня же появилось смутное подозрение, что где-то слышал подобную историю. Я был очень внимателен. Установка чаши стала таким кропотливым трудом, что заняла в три раза больше времени. Я прокрутил её в несколько этапов, дабы оценить наиболее выгодную позицию, поправил каждый цветок и каждую веточку - в общем делал всё возможное, лишь бы услышать продолжение.

- Он подошёл ко мне, - рассказывал сотник, - и сказал: Корнилий! - обращение Ангела было властным и рассказчик это передал. - Я испугался, - признался Корнилий. Я ему поверил, совсем не сомневаясь. Он и сейчас был перепуган. Ангелов не каждый день встретишь. – Я испугался и спросил: «Что, Господи?» Ангел ответил мне, но уже не как господин, а как друг: молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом.

- Дядя! - восторгалась Иутерна. - Это же помазание свыше! Ты - великий человек, если небеса дали тебе послание.

- Душа моя, велик не я, а Божия благодать, в которую я уверовал.

- Ангел сказал тебе что-то ещё. Не так ли? - уточнил Максимилиан.

- Да. Он сказал: «Итак, пошли людей в Иопию и призови Симона, называемого Петром. Он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море; он скажет тебе слова, - Корнилий задержал дыхание, - которыми спасёшься ты и весь дом твой». - Сотник глубоко выдохнул. - Дорогие мои, - он обратился к своим родственникам, - благодаря словам этого праведника, - голос его дрогнул, - мы все спасемся… Вы понимаете? Мы спасемся!

Гости погрузились в молчание, включая и маленькую Паулину. Выслушав историю, она не смела шевельнуться.

- Ангел исчез, - продолжал Корнилий, - и я, не теряя ни секунды, даже не обговорив случившееся с Петронией, призвал Тулу и Фекла, моих старших слуг, и Палия, моего верного воина, и послал их в указанное Ангелом место… По всем расчётам, они скоро должны прийти… Я в ожидании…

По мне прошлись 220 вольт!

Это же!... Это же!... Боже, куда мы попали?! – недоумевал я.

Корнилий! Ну, конечно! Сотник Корнилий! Книга Деяний! Язычник, который уверовал! Первый язычник!

После воздействия тока, мои волосы стали на дыбы и зашевелились. Я это почувствовал.

У меня возникло желание увидеть его, увидеть Корнилия, но уже не как хозяина домуса, незнакомого, чужого человека, а как человека, оставившего след в истории, увековеченного в Библии, человека веры. Я медленно обернулся, позабыв о работе и цветах, обо всём на свете. Я должен был его увидеть и я его увидел.

Среди гостей сидел тот же Корнилий, статный, в белой тоге, который говорил с Луцием, тот же, который встречал радостно своих родственников в атриуме. Он был тот же, но для меня – другим совершенно. Там, среди гостей, сидел человек отличенный Божественной почестью.

- Корнилий, - спросил один из молодых людей (я ещё раз прошу прощения у читателей, потому что не различал Валерия и Виталия), - как ты понял, что это явился Ангел?

- В комнате, - объяснял Корнилий с воодушевлением, - я был один и явился мне из пустоты, из неоткуда муж в совершенной красоте и силе. Его лицо сияло, а голос - точно гром и водопад. Он внушал собой трепет и подчинение. Ни один не устоял бы перед ним: ни Олимп, ни Зевс или Юпитер, и даже Цезарь. Никто. И если посланник настолько могуч и прекрасен,

то насколько его Господин, Господь Неба и Земли, могущественнее и прекраснее! Именно в этого Бога я верую и этому Богу молюсь…

«Я тоже в Него верую! - обрадовался я. - Я знаю Бога! Я тоже верую!»

Меня возносил восторг! Мне хотелось подбежать к Корнилию и всё-всё ему объяснить: к нему придёт Петр, весь его дом уверует, он попадет в Книгу Книг, которую и я прочитал! Я уже! Я бегу!

Едва ли я шевельнулся, как был замечен. Петрония и Корнилий взглянули на меня. Своим неосторожным движением я привлек на себя внимание. Взгляд господ не был жесток, но, напротив, добр. Я смотрел на Корнилия.

- Дитя, что-то случилось? - спросил он меня.

«Случилось! - хотелось мне закричать. - Вы даже не представляете, что случилось!»

Вместо этого и тех всех слов, что я намеревался сказать, я собрал голову в плечи, ссутулился и быстрым шагом направился к выходу. У меня же работа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.